

Тань Сяньци впервые почувствовал, что ранил чувства Цинфэна, но было уже поздно. Неудивительно, что тот молча переехал в Башню Уцзинь, предпочитая терпеть лишения, чем снова просить о помощи. Оказывается, та самая миска лапши перерезала последнюю нить, связывавшую Цинфэна с ним. Сколько времени они провели над той миской? Двадцать минут или пятнадцать?..

Он оставался таким же гордым, но теперь вся его гордость была спрятана глубоко в сердце.

— Старина Фу, разворачивай, едем обратно! — Тань Сяньци, словно потеряв контроль над мыслями, внезапно захотел вернуться к тому месту, где они высадили пассажира.

Старина Фу не видел Цинфэна, но помнил направление, в котором они пошли, и начал искать вдоль дороги.

На повороте в переулок они наткнулись на них. Двое детей с увлечением что-то разглядывали. Тань Сяньци уже хотел окликнуть их, но вдруг приложил палец к губам, тихо наблюдая через окно машины.

Там мужчина готовил попкорн на старомодной машине. Черный барабан непрерывно вращался, и вдруг раздался громкий хлопок. Цинфэн и Му Су, заткнув уши, отшатнулись на несколько шагов, а затем в воздухе разлился сладкий аромат попкорна.

— Я хочу большую упаковку! Нет, две! — Увидев, как другие дети толпятся вокруг, Му Су, не желая отставать, пробился вперед.

Тань Сяньци, сидя в машине неподалеку, не смог сдержать улыбки. Он давно не слышал этого звука. Кажется, последний раз это было, когда Цинфэну было пять лет. В тот день на день рождения он спросил, чего тот хочет, и Цинфэн ответил: попкорн, но не готовый, а тот, который взрывается с громким «бум».

Му Су, держа две большие упаковки попкорна, вылез из толпы и сунул их в руки Цинфэна, сам же взял горсть и начал есть на ходу.

— Ладно, держи их и ешь сам. Мне пора домой. — Подойдя к автобусной остановке, Цинфэн вернул попкорн Му Су. — Вечером попарь ноги, и боль пройдет. Иди домой. — Он похлопал Му Су по голове и подтолкнул вперед.

— Может, зайдешь ко мне поужинать? Уже почти пора. — Му Су, оглядываясь каждый шаг, приглашал его, но на этот раз Цинфэн не принял предложения, лишь улыбнулся, помахал рукой и сел в автобус.

Когда он вернулся домой, уже стемнело. Несколько фонарей возле Башни Уцзинь не работали, и узкая улочка казалась еще более мрачной.

Перед тем как войти в подъезд, с левой стороны внезапно ударил яркий свет. Цинфэн заслонил глаза рукой, свет был слишком ярким.

На фоне света появилась фигура. Цинфэн прищурился, не разглядев лица, но узнал очертания. Почему-то он вдруг бросился бежать, забежал в дом и запер дверь на все замки.

Только убедившись, что дверь надежно закрыта, он вздохнул с облегчением, снял грязную куртку и пошел на кухню готовить себе лапшу.

Едва он поставил тарелку на стол, как за дверью раздался грохот упавшей посуды, а затем ругань соседки:

— Кто тут ходит, глаза разомкнул? Посредине места полно, а ты ногами все задеваешь!

Не успела она начать ругаться, как ее голос вдруг смягчился, и она заговорила с едкой иронией:

— О, это же Тань Сяньци! Великий бизнесмен нашел время навестить старых соседей?

Соседка, любившая посплетничать, явно представляла, как сейчас изменилось лицо мужчины, словно он проглотил муху.

— Вы... — Тань Сяньци, когда-то только начинавший свой бизнес, временно жил в старом доме жены. Гордый и высокомерный, он редко общался с соседями. Он долго думал, но так и не вспомнил, кто эта женщина. Сдерживая раздражение, он вежливо спросил:

— Скажите, вы не знаете, где живет Цинфэн?

— О, сына ищешь? Маленькая лиса тебя не околдовала, так ты сына вспомнил? Твой сын разве не живет с твоей женой в большом доме? В наши трущобы за сыном пришел, шутку шутить?

Тань Сяньци не знал, что ответить на слова соседки, и снова спросил. Она лишь закатила глаза:

— Ищи сам!

И с грохотом захлопнула дверь.

Тань Сяньци смотрел на одинаковые двери в подъезде, не зная, где живет Цинфэн. Он давно не помнил этого, а в полумраке разобрать было еще сложнее.

Наконец раздался стук в дверь. Цинфэн почти одновременно затаил дыхание, не желая, чтобы кто-то понял, что он дома.

Стук вскоре прекратился. Неизвестно, знал ли Тань Сяньци, что здесь живет Цинфэн, или пошел искать дальше.

Цинфэн не понимал, почему так старательно избегает его. Даже не хотел, чтобы Тань Сяньци вошел в дом. Может, все еще переживал из-за прошлого?

Эта комната была наполнена воспоминаниями для Цинфэна. С тех пор как он начал помнить, все дни, проведенные с родителями, прошли в этой маленькой комнате. Хотя он был тогда маленьким, он мог вспомнить множество моментов. Но теперь эти воспоминания остались только у него. Некоторые даже забыли, где находится их дом.

Когда родители разводились, Цинфэн стоял у двери этой комнаты и смотрел, как они спокойно обсуждают, подписывают документы и делят имущество. Позже он слышал от соседок, что папа заработал много денег и купил большой дом, но жили там не он и мама. Тогда он не понимал, что это значит.

Сразу после развода папа забрал Цинфэна, но не домой, а к другу. Вскоре он снова вернулся с этим дядей в Башню Уцзинь. Он навсегда запомнил, как стоял под навесом маленького магазина напротив Башни Уцзинь, очень долго, пока мама не вернулась с работы. Но она лишь

взглянула на него и вошла внутрь.

Цинфэна ввели за руку, и он снова стоял у двери этой комнаты. Дядя долго уговаривал маму, но она так и не согласилась оставить Цинфэна. Это вызвало шепот соседней у двери.

На этот раз Цинфэн понял. Он осознал, что папа не хочет его, мама не хочет его, никто не хочет Цинфэна.

Он побежал к бабушке, которую считал близкой. У нее был телефон, и он помнил номер бабушки. Услышав голос бабушки, он разрыдался:

— Дедушка, дедушка, они не хотят Цинфэна, папа и мама не хотят Цинфэна, дедушка, спаси меня...

Бабушка накормила его кашей, и он уснул. Проснувшись, он услышал знакомый голос, зовущий его:

— Цинфэн, Цинфэн...

Открыв глаза, он увидел бабушку с его всегда добрым лицом. Обида переполнила его, и он обнял бабушку, не отпуская, громко рыдая.

Он не помнил, как попрощался с мамой, но запомнил, как бабушка дрожал от гнева, держа его на руках. Тогда папа и мама были рядом, и бабушка тихо бросил:

— Некоторые вещи, если потеряешь, не вернешь. Подумайте о своем будущем.

Затем взял вещи и увел Цинфэна.

Глядя на потолок, покрытый пятнами плесени и копоти, Цинфэн думал о тех далеких событиях. Это было странно. Он отвернулся, свернулся калачиком под одеялом. Некоторые вещи лучше не помнить.

На следующее утро будильник звонил долго, но Цинфэн его не слышал. Проснувшись, он чувствовал себя разбитым, словно душа осталась в постели.

Взяв рюкзак, он вышел из дома и сразу увидел машину у двери. Но на этот раз из нее вышел не Тань Сяньци, а его водитель — старина Фу.

— Дядя Фу? — Цинфэн чувствовал доброту старины Фу. В наше время, когда люди стали равнодушными, даже простая улыбка была редкостью.

— Вчера твой отец сказал, что не смог тебя увидеть, так я с утра приехал попробовать снова. — Слова старины Фу звучали забавно. «Попробовать снова» — это было ново.

— Он... что-то хочет? — Цинфэн смотрел, как старина Фу достает из машины несколько больших пакетов и передает ему. — Ты уже взрослый парень, не можешь ходить в старом и простом. Здесь еда, напитки и одежда. Если понравится, я буду привозить чаще.